

ЛОКИ, ИНГРАММЫ, ВТОРИЧНЫЕ ИНГРАММЫ – КАК С НИМИ РАБОТАТЬ

ЛЕКЦИЯ, ПРОЧИТАННАЯ 2 ДЕКАБРЯ 1952 ГОДА
83 МИНУТЫ

Я хочу поговорить сегодня с вами... сегодня второе декабря, я полагаю, вторая половина дня. Я хочу поговорить сегодня с вами о локах, инграммах и вторичных инграммах и о том, как с ними работать.

Не новая тема, правда? Я имею в виду, это настоящая древность, не так ли? Просто мороз по коже при мысли о том, что придётся снова обсуждать всё это. Как это ужасно.

Но нам необходимо *знать* что-то об этом, ведь инграммы, локи и вторичные инграммы не перестали вдруг существовать только из-за того, что мы стали заниматься чем-то другим.

Понимаете, у любой проблемы всегда есть две стороны. Одна из них имеет отношение к реально существующему явлению, вещи, объекту и так далее, а вторая имеет отношение к тому, как вы работаете с этим, или с тем, как это функционирует или каково предназначение этого. И мы можем разделить – это, кстати, совершенно неправильное деление, но оно хорошо демонстрирует идею, – мы можем разделить медицину на две части: мы можем сказать, что есть структура и есть функция. И причина того, что медицина сбилась с пути, состоит в том, что там не осознали, что есть две эти части, там не стали проводить различий, и поэтому там постоянно занимались только структурой - структурой, структурой, структурой.

Один тип прослушал серию лекций в Канзас-Сити – он был врачом. Он подошёл ко мне однажды и сказал: «В течение двадцати лет я изучал структуру и работал, исходя исключительно из представлений о структуре. А теперь я послушал вас в течение трёх дней, и я должен выбросить всё это на помойку». Он сказал: «Я хочу, чтобы вы знали, что это немалая жертва с моей стороны!»

Потому что функция регулирует структуру. И на самом деле функция – на том уровне, на котором мы сейчас её изучаем, – может в любой момент стать структурой. И имея в своём распоряжении функцию, вы можете в любой момент получить структуру, создать её, изменить или разрушить. Таким образом, поскольку структура является частью этой дихотомии... о, это замечательное слово, я узнал его из словаря. Оно каким-то образом связано с цветами или с чем-то в этом роде, и оно не означает ничего другого - ничего такого, что могло бы кого-нибудь запутать. Это просто чудесное словечко. И я люблю иметь наготове несколько таких словечек, чтобы профессиональные одиторы могли ошеломлять людей.

Они могут сказать с учёным видом: «О, дихотомия», – а несчастный собеседник спрашивает: «Что?»

«Ну, это такой технический термин».

Так вот, когда мы рассматриваем структуру и функцию как данные, сравнимые по величине, мы допускаем ошибку. И это очень распространённая ошибка, и это настолько распространённая ошибка, что мы допускали её на протяжении последних двух лет. Мы считали, что структуру можно сравнивать с функцией. Так происходило потому, что у нас не было достаточного количества знаний о функции. Верно, что те данные относительно функции, которыми мы располагали... то, что мы знали о функции, – это было сравнимо по величине со структурой. То, что нам было известно о структуре, и то, что нам было известно о функции, – это как раз и образовывало вышеупомянутую дихотомию.

Мы же на самом деле поднялись на более высокий уровень – *бомс, бомс*, – и у нас нет такой структуры, которая могла бы сравниться с тем, что нам сейчас известно о функции. Таким образом, структура осталась вот здесь – эта крохотная штучка, эта микроскопическая штучка, известная под названием «МЭСТ-вселенная», а мы поднялись вот до этого диапазона функции. Поэтому мы не имеем больше дела с этой парой. Я хочу с самого начала разъяснить это, чтобы показать вам, что мы теперь по-другому оцениваем

важность локов, инграмм и вторичных инграмм, поскольку, хотя в их действии проявляется функция, сами они представляют собой структуру. Они представляют собой структуру.

И мы, поднявшись на такой высокий уровень знания о функции, можем обращаться с локами, инграммами и вторичными инграммами с такой же лёгкостью, как лоцман речного парохода на Миссисипи обращался с колодой карт и пистолетом. Это проще пареной репы. Вы просто переворачиваете их рубашкой вниз, перекидываете их из руки в руку, бросаете взгляд на лицевую сторону, сдаёте карты всем игрокам, все они берут свои карты – и у каждого из игроков по фул-хаусу, а у вас – четыре туза; я хочу сказать, что это что-то вроде этого.

Так вот, когда вы будете достаточно знать о функции, вы можете начать игнорировать структуру; но бога ради, не начинайте игнорировать структуру до того, как узнаете, каковы её функции.

Это является неотъемлемым компонентом в мышлении любого инженера. Когда инженер достаточно знает о структуре для того, чтобы создавать её по своему желанию, он очень доволен этим, и он начинает относиться к структуре довольно-таки беспечно. Он знает, насколько она важна. Но вплоть до этого момента он очень, очень внимательно следит за тем, чтобы при прокладке путей сквозь гору поезд шёл по туннелю. Он сосредотачивается на структуре. Он пробивает структурное отверстие в горе, чтобы поезд мог через него проходить.

И известно, что те поезда, для которых не пробиты туннели и не проложены пути, очень быстро приходят в весьма негодное состояние. Так это и бывает, когда у вас нет знаний о структуре, достаточных для того, чтобы быть полностью уверенным, что структуру можно создавать и разрушать с помощью функции. Но на этом уровне вам нужно было бы очень много знать о функции, не так ли? Ужасно много.

Так вот, когда мы говорим, что в медицине такое огромное внимание уделяется структуре, мы вовсе не критикуем медицину. Почему медики считают, что человека можно избавить от язвы только с помощью хирургической операции, тогда как их собственные данные говорят о том, что человека нельзя избавить от язвы с помощью хирургической операции? Человеку делают операцию, и он, возможно, чувствует себя хорошо в течение некоторого времени. Вы делаете ему ещё одну операцию, и он, возможно, чувствует себя хорошо в течение ещё некоторого времени. Вы делаете ему ещё одну операцию – и он умирает на операционном столе. Я хочу сказать, это такого рода вещи.

Но время от времени вам попадается такой случай: человеку делают операцию по поводу язвы, и он чувствует себя хорошо. Он просто продолжает чувствовать себя хорошо, начиная с этого момента. Так что врачи говорят: «Что ж, хорошо, у нас есть шанс, и этот парень, вероятно, вот-вот полностью развалится, и у него кровоизлияние и так далее, и он всё равно умрёт, так что мы с таким же успехом можем прооперировать его». Понимаете, у врачей на самом деле нет выбора. Таким образом, дело не в том, что мы осуждаем, критикуем, хвалим или делаем что-то ещё. Дело просто в том... давайте рассмотрим это с практической точки зрения. Врачи делают то, что они могут сделать в рамках своей системы взглядов, своих способностей и знаний. И практически все, кого вы знаете, действуют именно таким образом.

Так вот, на самом деле, это очень дурно с моей стороны, что я, с тем чтобы создать хаотичность, выбираю различные сферы деятельности и так далее, но это весело. И это совершенно... Сам я могу относиться к этому очень серьёзно, очень серьёзно, и чем серьёзнее я отношусь к этому, тем меньше событий происходит. Странно, что в этой сфере структура и функция сравнимы по величине, не правда ли?

И вот что тут забавно: чем менее человек серьёзен, тем больше он может делать. Например, человек заходит в клетку; там сидит тигр-людоед. Человек знает, что это тигр-людоед. Этот тигр не обязательно является людоедом, просто человек *знает*, что это тигр-

людоед. И в клетке сидит этот тигр-людоед, а человек должен дрессировать этого тигра-людоеда. Он знает, что это тигр-людоед, так что тигр его съедает. Всё очень просто.

Мне на маленький спортивный автомобиль установили выключатель зажигания определённого типа. Это было очень интересно. Это был секретный выключатель. У этого автомобиля вообще не было ключа зажигания, и чтобы кто-нибудь не сделал чего-нибудь с этим автомобилем, мы установили секретный выключатель под панелью. Нужно было включить *этот* выключатель, а выключатель на передней панели был просто для виду.

И поскольку мы называли этот выключатель секретным, он, конечно же, действительно превратился в секрет. И проводка к нему была подведена так плохо, что после его установки от него не поступал ток к распределителю зажигания и к системе зажигания. Происходило вот что: вы включали выключатель на передней панели, и вы, конечно же, включали секретный выключатель, потому что вы о нём знали. Автомобиль не заводился, поэтому вы, конечно же, обходили его кругом, разбирали на части распределитель, вынимали свечи, вынимали клапаны, вынимали подшипники, снимали топливный бак, снимали с места ведущий вал и вентилятор – всё это для того, чтобы выяснить, почему автомобиль не заводится. И вот механики снова поставили все эти детали на место и ещё раз попытались завести автомобиль, а он по-прежнему не заводился. И они сдались – механики, которые работали с ним. И они доставили автомобиль обратно, поставили его на дороге перед домом и попытались уверить меня, что он теперь будет заводиться. Я вышел к нему, и он не завёлся. Они притащили его на буксире. И он не заводился.

Так что я обдумал всё это и сказал: «Давайте-ка посмотрим, что мы сделали с этим автомобилем после того, как он последний раз завёлся? Мы установили секретный выключатель». И я протянул руку под панель, чтобы проверить этот секретный выключатель – и эта штукавина *ударил* меня. Понимаете, я имею в виду хорошее, основательное короткое замыкание, вы знаете – *бзззым!* Так что я ещё раз протянул туда руку и вырвал проводку – просто рванул и всё, соединил провода вместе, оставил их висеть на какое-то время, повернул выключатель, и автомобиль завёлся. Я подумал: «Силы небесные! Это очень, очень странно». С автомобилем всё было в полном порядке.

Конечно же, к этому времени в автомобиле все было совершенно разлажено. Карбюраторы работали неправильно, свечи работали неправильно, настройка распределителя зажигания была сбита, таймер работал неправильно, цепь распределительного вала не была как следует натянута. Я смог обнаружить причину неисправности не потому, что я такой умный, а потому что я не был тем, кто со всей тщательностью установил в машине секретный выключатель. Понимаете, я не делал этого с автомобилем, но эти люди установили там секретный выключатель, и поэтому он, конечно же, должен был оставаться секретным. Это было предназначение выключателя. И поэтому никто другой не мог завести автомобиль, поэтому он, конечно же... предназначение выключателя заключалось в том, чтобы автомобиль не заводился. И именно этого они и добились. Это абсолютно реальный случай. Это кажется совершенно нелепым. Но это отняло три недели у бригады механиков в гараже.

Так вот, они создали какие-то постулаты относительно структуры в МЭСТ-вселенной в соответствии с совершенно ясными представлениями; они создали какие-то постулаты относительно этой структуры, и сказали, что эта структура делает то-то и то-то. И конечно же, постулат, созданный ими, был надёжным. Они сказали: «Это выключатель, который не даст автомобилю завестись; благодаря ему автомобиль будет в безопасности», – а затем, конечно же, поскольку выключатель был секретным, они даже не могли обследовать его, чтобы выяснить, хорошо он подсоединён или нет. Это длинная история. Но знаете ли вы, что это неизменно происходит всякий раз, когда кто-то проводит какое-либо исследование. Человек начинает исследовать структуру и говорит, что эта структура, согласно наблюдениям, делает то-то и то-то – она делает то-то и то-то, и это можно наблюдать. И разумеется, она именно это и делает. Вы можете выйти на улицу и брать

прохожих и так далее, вы можете брать одного за другим и изучать их всех, и структура постоянно будет делать именно это. Хорошо.

Так вот, давайте отнесёмся к этому серьёзно – давайте отнесёмся к этому серьёзно и поработаем с тем, что эти люди делают, и аннулируем всё это – ниже уровня того постулата, который вызывает всё это. О, мы можем повеселиться. Мы обнаруживаем, что у каждого из людей на улицах имеется согласие относительно опыта – они согласились, что опыт – это хорошо, что часть данных, полученных из опыта, необходимо прятать, и что часть этих данных должна работать автоматически.

И как они достигают этого? С помощью инграмм, вторичных инграмм и локов. Это система. Всё становится автоматическим и начинает делать то, делать сё. У людей имеются самые разнообразные инграммы, которые должны делать что-то с людьми и о которых те ничего не должны знать. И хотя вся эта система совершенно безумна – настолько же безумна, как представление китайца о ремонте автомобиля, – люди постоянно используют её на всю катушку. Они устанавливают эту систему, находясь на одном уровне шкалы тонов, затем они опускаются по тону и, конечно же, эта система берёт над ними верх. Она начинает управлять ими. Им приходится ужасно тяжело. Они не знают, что происходит и на основании какой системы они функционируют. Они сделали что-то автоматическим. Они не желают знать, что это такое. Это должно работать вот здесь каким-то специфическим образом. А затем... когда-то люди знали обо всём этом. Человек входил в комнату, клал руку на горячую плиту, получал ожог, он смотрел на свою руку и видел, что она повреждена. И он говорил: «Знаете, мне придётся сделать что-то для того, чтобы, когда я в следующий раз подойду близко к горячей плите, я смог бы вспомнить, что я обжёг руку, потому что я вполне могу забыть об этом. Что ж, хорошо, давайте представим, что я забыл об этом, но всякий раз, когда моя рука будет приближаться к горячей плите, я буду отдёргивать её от этой горячей плиты». Автоматизм, вы понимаете?

Мы подходим к чему-то, что содержит в себе определённый раздражитель, и мы хотим реагировать на него определённым образом, и мы хотим, чтобы это происходило как можно быстрее, так что мы устраиваем всё так, чтобы это происходило автоматически – в этом и заключается ошибка, это серьёзная ошибка.

Что ж, чтобы что-то стало автоматическим, вы прячете это от себя. И вот вы обнаруживаете этого человека на траке через несколько миллионов лет, миллиардов или триллионов лет. Что он делает? Он ходит в густом тумане, он находится в теле, он не знает, как он попал туда и так далее. И вы говорите: «Эй». Если бы вы могли сделать это, то это было бы очень просто – вы просто говорите: «Вы помните момент, когда вы хотели, чтобы что-то происходило автоматически?»

-Да.

—Хорошо. Вы помните более ранний момент, когда вы хотели, чтобы что-то происходило автоматически?

—Что вы подразумеваете под словом «автоматически»?

—Ну, это когда что-то действует самостоятельно и делает что-то за вас.

—О, да, да.

Нашли более ранний момент, более ранний момент, более ранний момент.

Бимс! Инграммный банк этого человека исчезает. Потому что он удерживается этой маленькой функциональной штучкой, которая говорит: «Давай сделаем так, чтобы всё это работало автоматически. Тогда мы будем в безопасности». Понимаете, как это происходит?

Теперь я расскажу обо всём этом несколько по-другому, чтобы вы увидели, что представляют собой эти локи, инграммы и вторичные инграммы. Мы знаем, что они представляют собой с точки зрения структуры – это старая энергия, они содержат картинки, и когда эти картинки рестимулируются, они могут командовать телом и могут заставить тело испытывать боль.

Мы знаем это, – мы знаем, что они являются именно этим. Мы обнаруживали всё это у человека в форме тяжёлой инграммы. Она находится в пренатальном банке, или это электронный инцидент, или это одна из десятков различных вещей – о многих из них можно поспорить, но многие из них неоспоримы. Мы знаем, что есть этот большой инграммный банк, и что там есть эти вторичные инграммы – инциденты, содержащие эмоциональный заряд, и ещё существуют эти маленькие локи и так далее. Боже, вы начинаете удалять один из этих инцидентов – *раз, два*, так и этак, и вы обнаруживаете, что всё это спутано и перепутано. И вы обнаружите, что всякий раз, когда преклир идёт по улице и видит пожарный гидрант, он напрягается. И вы спрашиваете: «Что заставляет вас напрягаться?»

«Ничего. Должно быть, трамвай. Хе-хе». Что ж, если бы вы дали ему в руки банки Е-метра... вы бы выяснили, что это были пожарные гидранты.

Каждый раз, когда он проходил... и он даже не знает этого, понимаете? Его состояние является настолько плохим. Он видит пожарный гидрант, напрягается, и даже не осознаёт, что напрягается из-за того, что видит этот пожарный гидрант. Но он знает, что из-за чего-то напрягается. Он не настолько в плохом состоянии, чтобы не осознавать этого. Он знает, что это трамвай. Вот только он не знает, что это трамвай. Если бы он мог знать без тени сомнения, что это трамвай, то он не стал бы больше напрягаться. Если бы он просто сказал себе: «Что ж, это трамвай» – то он не стал бы больше напрягаться из-за пожарных гидрантов. Понимаете? Если бы он мог *знать*, что это трамвай... Он создал бы новый постулат, вот что он сделал бы. Он говорит: «Я напрягаюсь из-за трамваев. Теперь, когда я знаю, что напрягаюсь из-за трамваев, я больше не буду напрягаться из-за них». Я хочу сказать, что он мог бы таким образом «обмануть себя» (в кавычках), если бы только не был *вынужден* так сильно соглашаться с МЭСТ-вселенной.

Хорошо, так что же это за система, которую он создал? Что ж, это система, которая начинается с согласия. И человек соглашается всё больше и больше, всё больше и больше, и не успеете вы и глазом моргнуть, как он убеждён в том, что вся та структура, которую он сам создал, существует и что она является чем-то плотным.

Теперь давайте рассмотрим это явление в другой сфере. Давайте рассмотрим гипноз. Это действительно существующее явление; это что-то, что вы можете исследовать. Если вы хотите исследовать эту область, достаньте книжку «Как загипнотизировать кого-нибудь: пять простых уроков», или что-нибудь в этом роде – это очень просто сделать. Поставьте перед человеком горящую свечу и скажите ему пристально смотреть на свечу. Существует определённый процент людей, которые вот так просто впадают в гипнотическое состояние.

И есть определённый процент людей, которые так стремятся убежать, что если вы скажете им «войдите в гипнотический транс», то они, как сумасшедшие, кинутся в противоположном направлении, и их можно загипнотизировать по принципу «от противного». Гипноз -это очень интересное занятие.

Хорошо. Вы просто-напросто просите человека сфокусировать его канал восприятия -коммуникационную линию – на чём-то, а затем закрепить её там. Что ж, он согласился сделать это в тот же момент, когда направил взгляд на свечу. Весь фокус заключается в том, чтобы заставить его согласиться с чем-то ещё. В гипнозе нет ничего слишком уж таинственного. Это самое лёгкое занятие на свете.

Так вот, вы добились того, что его взгляд направлен на свечу. «Хорошо, теперь вы пристально смотрите на свечу, пристально смотрите на свечу. Вы знаете, что такая концентрация может вызвать у вас чувство сонливости и так далее. Пристально смотрите на свечу до тех пор, пока не почувствуете такую сонливость».

И он ответит: «Хорошо». Понимаете, он согласился с тем, что концентрация на этом может вызывать у него чувство сонливости. Хорошо. Вы добились этого.

«Теперь посмотрите на свечу немного внимательнее, и теперь давайте почувствуем, как тело становится всё более и более расслабленным». И он соглашается на то, чтобы

чувствовать, как тело становится всё более и более расслабленным. Вот и всё. Он просто понемногу соглашается. И не успеете вы и глазом моргнуть, как он... гипнотизёр говорит: «Сейчас ваши глаза закроются», и его глаза *бац* – и закрываются. Естественно. Он согласился на это.

Теперь гипнотизёр говорит: «Сейчас ваша правая рука поднимется». И человек наблюдает, с некоторым удивлением, как его правая рука поднимается.

И он говорит: «У-ух, меня загипнотизировали». Так что в этот момент он сдаётся.

И теперь гипнотизёр говорит: «Вы видите этого кенгуру на вашем правом колене?»

«Да». Человек видит кенгуру на своём правом колене.

«Он на правом колене, а теперь давайте посмотрим, как он перепрыгнет на левое колени. Вы увидели это? Хорошо, теперь давайте наденем на этого кенгуру шапочку.

Надели на него шапочку? Теперь пусть этот кенгуру споёт песенку». И загипнотизированный человек очень рад сидеть и наблюдать всё это. Беда в том, что он видит всё это; он совершенно ясно видит всё это.

Людей пугает мысль о том, что всё это может случиться с ними. Что ж, то, что их пугает эта мысль, – это просто уловка со стороны МЭСТ-вселенной. И очень странно, что люди полагают, будто им нужно пройти через всю эту ерунду и весь этот ритуал гипноза, крепко спать и не обладать никаким контролем над собой, и будто они могут видеть всё это только тогда, когда получают команды от гипнотизёра. Это величайшая глупость на свете.

Я хочу сказать, что тут мы имеем дело с длинной цепью законов и соглашений. И что бы вы думали, они оказывают влияние и на других людей здесь. И они существуют как соглашения – если вы согласитесь с чем-то, то получите то-то и то-то. И если человек соглашается с этим, и с тем, и с тем, то не успеете вы и глазом моргнуть, как он уже не осознаёт, что находится вокруг него.

Человек в состоянии гипноза может увидеть, как вся комната охвачена огнём, и... Он может сделать это, он может услышать, как потрескивает огонь, и всё остальное. Он вполне способен сделать это. Понимаете, ему не нужно принимать на себя ответственность за всё это. Он может постоянно делать это, и весь фокус тут в том, что он говорит: «Посмотри-ка, этот гипнотизёр может нести ответственность за то, что я на самом деле вижу всё это, и за создание всей этой вселенной, находящейся вокруг, и вытащить меня обратно – это его задача и так далее. И поэтому я просто возложу ответственность на него, и, таким образом, я буду в состоянии иметь дело с иллюзиями».

Это одна из причин, по которой люди гораздо лучше реагируют на одитинг, который проводят им другие, чем на тот, который они проводят сами себе. Они не одитируют сами себя. Они просто увивают, потому что они просят самих себя принять всю ответственность за то, что они делают. Что ж, намного лучше, когда есть одитор и можно сказать: «Что ж, это делает он. Я не делаю этого». Тогда человек сможет делать это с величайшей лёгкостью. Иными словами, иметь одитора – это ступень на градиентной шкале автоматизма, которая также является шкалой ответственности. Человек хочет, чтобы автоматически происходило то, за что он не хочет быть ответственным.

Так вот, мы обнаруживаем, что практически у всех хомо сапиенс качество одитинга, который они проводят другим, гораздо выше, чем качество самоодитинга. Можно сказать, что предлагать им начать самоодитинг – это опасно, потому что они не собираются принимать на себя ответственность за то, чтобы провести одитинг хорошо. И ещё один момент: когда человек занимается самоодитингом, ему необходимо создать контур, который одитирует его или который он сам одитирует, и дело несколько усложняется, и одитинг идёт не так хорошо. Таким образом, самый лучший уровень, до которого вы можете поднять человека на градиентной шкале, – это уровень чертовски хорошего одитора. Он немедленно сможет начать передавать этот опыт, причём достаточно интенсивно.

Так вот, поскольку одитор не заинтересован в том, чтобы усыпить этого человека, - одитор заинтересован в том, чтобы разбудить его, - вы имеете дело с чем-то, что совершенно противоположно гипнозу. Допустим, у нас здесь есть этот преклир, а также человек, которого гипнотизируют. Ни один из них не загипнотизирован, или они просто... например, идут по улице. Хорошо, вот эти два человека, и оба они в равной степени бодрствуют. Так вот, человек, который соглашается на то, чтобы его загипнотизировали, опускается вниз из этого состояния, в котором он селф-детерминирован и осознаёт окружающее, и чем больше с ним работает гипнотизёр, тем ниже этот человек опускается. Теперь давайте посмотрим на преклира. Одитор пытается вернуть этому человеку часть селф-детерминизма и часть его собственных способностей, поэтому человек начинает двигаться с этого уровня вверх: он соглашается, что он попытается для собственного блага сделать то, чего от него хочет одитор. Это первое, с чем он соглашается. Он соглашается быть селф-детерминированным.

Затем он несколько в большей степени соглашается с тем, что он *может* быть немного более селф-детерминированным, и он соглашается, что может действовать немного более селф-детерминированно, и что бы вы думали: он всё больше и больше осознает окружающее, он пробуждается всё больше и больше, пробуждается всё больше и больше, пробуждается всё больше и больше, пробуждается всё больше и больше. Вы видите, что эти два человека, одного из которых одитируют, а другого - гипнотизируют, движутся в противоположные стороны от состояния хомо сапиенс.

Гипнотизёр на самом деле заинтересован только в одном. Он заинтересован в том, чтобы управлять человеком. И если вам когда-нибудь захочется трудностей в одитинге, то возьмите гипнотизёра - профессионального гипнотизёра - и начните одитировать его. Многие из них прямо-таки на стены лезут.

Бывало, такие люди приходили ко мне и говорили: «*Пожалуйста, Рон, сделай что-нибудь для меня. Я просто увяз*».

И я говорил: «Хорошо. Давайте возьмём последнего человека, которого вы гипнотизировали. Хорошо, теперь вытолкните свой, так сказать, контролирующий центр так, чтобы он оказался над этим человеком. Теперь притяните его назад. Теперь снова передайте его этому человеку. Теперь притяните его назад. Теперь снова передайте его этому человеку. Теперь притяните его назад». И гипнотизёр вдруг испытывает то же самое ощущение, которое бывает у него тогда, когда он гипнотизирует людей. Он начинает управлять кем-то, просто перемещая самого себя в положение над этим человеком и контролируя его после этого. И что бы вы думали - это было двадцать лет назад, и человек этот давно находится в Стамбуле, а гипнотизёр всё ещё испытывает нереальное ощущение, будто он управляет движениями и мыслями этого человека. И к тому времени, когда этот бедный гипнотизёр загипнотизирует пять или шесть тысяч человек или что-то вроде этого, как бывает с некоторыми профессионалами, он полностью свихнётся по двум причинам: во-первых, управление другими людьми - это оверт; и во-вторых, он находится в паршивом состоянии в том, что касается пространствования. Он перестал осознавать, где он находится.

Существует так много людей, над которыми он размещал свой контролирующий центр, и они находятся в таком множестве мест, и он принимал вэйлансы этих людей так много раз, и они теперь так далеко, что он думает, что рассыпан по всему белому свету, он больше не может управлять самим собой, и таким образом он доходит до того, что начинает лезть на стены.

Более того, он без конца заставлял людей соглашаться и соглашаться с этим, и чтобы заставить их согласиться с этим, он должен был согласиться с этим сам. И поэтому он мало-помалу начал опускаться по шкале. Он сам соглашался до тех пор, пока не стал считать, что... если он выйдет на улицу, то всё, что угодно, может привести его в гипнотическое состояние. О, он в ужасной форме.

Это то же самое, что происходит с продавцами. На всём белом свете нет ни одного человека, которому было бы легче продать что-нибудь, чем продавцу. Он очень часто соглашался с тем фактом, что людям можно продать различные вещи, так что в конце концов согласился, что это возможно. И тут к нему подходите вы и говорите: «Видите эту старую дохлую крысу? Ей только две недели. И вы только подумайте, она стоит всего восемьдесят пять долларов», – и так далее. И он как-то беспомощно смотрит на вас и покупает эту крысу. Так вот, проблема в том, что люди не осознали, что с продавцами дело обстоит таким образом, и поэтому продавцы всё ещё живы и они по-прежнему могут работать. Но если вы знаете это о продавцах, то дело плохо.

Ещё один момент – продавец пытается отдавать МЭСТ. Он всё пытается и пытается отдавать МЭСТ, так что он постоянно не соглашается с МЭСТ. Что ж, это замечательно, но когда ему не удаётся заключить сделку с покупателем, это означает, что он не смог отдать МЭСТ. Что ж, к тому времени, когда таких незаключённых сделок с покупателями будет достаточно много, он станет считать, что больше не может отдавать МЭСТ, и он знает, что у него есть инграммы, хотя он притворяется, будто не знает, что у него есть инграммы и банк и так далее, так что он их тоже не может отдавать. И он застревает на траке времени. Он не способен отдавать МЭСТ.

Так вот, всё это взаимосвязано самым непосредственным образом. Тут мы имеем дело с человеком, который, двигаясь по градиентной шкале согласия... мы немного соглашаемся с чем-то, а затем мы соглашаемся с этим чуть-чуть больше, а затем ещё чуть-чуть больше, и это становится реальностью.

Так вот, автоматизм возникает... мы ещё очень многое расскажем об этом *автоматизме*, но... это замечательное слово, я хочу сказать, что... вы можете быть уверены, что оно будет отправлять людей в нокаут. Что ж, это принцип автоматизма.

Я бы сказал, что этот человек находится примерно на отметке 2,2 шкалы тонов - автоматизм и всё такое; и у него очень, очень сильное компульсивное стремление к тому, чтобы навязывать другим людям чувство усталости, и это показывает, что он находится примерно на таком низком уровне шкалы тонов и так далее. Его реактивный банк находится в определённом состоянии. Ему, вероятно, трудно избавляться от локов и так далее; и, вероятно, у него ужасные проблемы с МЭСТ. Я бы сказал, что у него плохо с финансами. Давайте-ка посмотрим, у него плохо с финансами.

Как бы там ни было, всё это представляет собой что-то вроде одной из осей, на которых держится кейс, и эту ось очень легко вытащить и изучить.

Хорошо. Что же такое произошло, что этот человек решил, что ему нужна инграмма? Что произошло? Что ж, в один прекрасный день он обнаружил, что был неправ – вот и всё, что для этого потребовалось. Он, к великому своему удивлению, обнаружил, что был неправ.

Так вот, он должен был создать постулат, чтобы быть неправым. Я имею в виду, он должен был создать постулат относительно того, что теперь выяснилось, что он неправ. Для того, чтобы это произошло, необходимо, чтобы существовал постулат о том, что есть такие вещи, как правильное действие и неправильное действие. Таким образом, он должен был согласиться с этим раньше. Прежде, чем человек оказался в состоянии, в котором у него могла возникнуть инграмма, он должен был создать постулаты относительно хорошего и плохого поведения, хорошего и плохого следствия, хорошей и плохой причины.

Итак, где же эти инграммы начинают действовать? Что ж, это происходит на *очень* низком уровне шкалы тонов – примерно 3,5 – на очень низком уровне. До этого человек даже не беспокоится по поводу инграмм. Но он соглашается, что могут существовать такие вещи, как плохая причина и плохое следствие, и что такие вещи, как хорошая причина и хорошее следствие, являются чем-то желательным – пока что он согласился с этим. Он согласился с тем, что есть такие вещи, как правильное и неправильное поведение, – он соглашался с этим *множество* раз. А затем он согласился ещё с одним фактом. Он

согласился с тем, что существует такая вещь, как боль. Он должен был согласиться с этим. Боли не существует, но он согласился с тем, что она существует. И боже ты мой, как же он стремится иметь эту боль! Боль для него драгоценна! Человек, который придумал это, заслужил большую кожаную медаль.

Когда-нибудь я найду его где-нибудь во вселенной, когда мы будем освобождать людей, и так далее, и там будет идти какой-нибудь человек. Он будет выглядеть более жалким и запуганным, чем все остальные, и так далее. Это будет тот человек, который изобрёл боль. Так что мы просто возьмём его и с помощью одитинга устраним всё это из его кейса – с помощью «Стандартной рабочей процедуры» 1950 года! И мы дадим ему одитора, который работает неторопливо.

Хорошо. Так вот, он должен был согласиться, что существует боль. Что ж, на самом деле он и раньше соглашался с разными вещами – со множеством разных вещей, но если рассматривать всё это исключительно с нашей точки зрения, то он должен был согласиться с тем, что есть хорошее и плохое, правильное и неправильное и так далее. И однажды он должен был согласиться с тем фактом, что он сам себя контролирует.

Да, он должен был согласиться с утверждением «Я сам говорю себе, что делать». И это поразительнее всего. Это кажется настолько очевидно верным в этой вселенной, что это реализуется. Любой человек на улице думает, что это верно в отношении него. Он думает, что сам приказывает себе, что делать. На самом деле у людей много времени уходит на то, что они говорят себе: «Теперь дойди до палатки на углу улицы и купи сигару. Хорошо, я дойду до палатки на углу улицы и куплю там сигару». И он ходит вперёд и назад, туда и сюда. «Минуточку, дайте-ка мне подумать. Давайте-ка посмотрим, что я обо всём этом знаю. Что вы знаете об этом? Ну, я не знаю, что я об этом знаю. Что вы знаете об этом?» Поток сознания и так далее. У него в голове сидят восемь или девять или двенадцать людей, и они устроили совещание по поводу всего этого.

Они устраивают большое совещание, и решение принимается большинством голосов и... Я не знаю, зашёл ли кто-нибудь так далеко, но я думаю, что вы можете найти в какой-нибудь психушке человека, который ввёл в употребление среди контуров парламентскую процедуру.

Но он должен был согласиться, он должен был согласиться с тем, что для того, чтобы осознавать, он должен быть чем-то, что не может осознавать; и это – то, что лежит в основе явления бессознательности. Чтобы осознавать... Понимаете, этот человек сказал себе: «Давайте-ка посмотрим, каким образом я знаю, что я осознаю. Я должен доказать, что я осознаю. Самым лучшим доказательством того, что я осознаю, будет период, когда я ничего не осознаю; и тогда, если я не буду ничего осознавать, я смогу вернуться и... Боже мой, это утверждение насчёт осознания – это правда. Да-да, я осознаю, потому что в тот момент я ничего не осознавал.

А кто был этот человек, который ничего не осознавал? Ммм... Это не мог быть я, потому что я управляю собой постоянно, так что меня там не было. Что ж, это состояние, когда ничего не осознаёшь. Что ж, это означает отсутствие; это означает, что что-то другое должно было осознавать. Потому что, посмотрите-ка, я всё ещё был там. Так, минуточку. Следовательно, когда я спал, что-то другое находилось в сознании, потому что если бы что-то случилось поблизости – или что-то в этом роде, – то я бы проснулся. Так что это доказывает, что там что-то сидело и караулило. Это не мог быть я сам. Но самый лучший способ доказать, что я осознаю – это продемонстрировать, что я могу ничего не осознавать, и тогда я могу быть уверен, что я осознаю».

Такие разговоры просто приводят к тому, что человек деградирует. Все эти рассуждения насчёт осознания – это просто беличье колесо. Я имею в виду, им вообще нечего делать в реальности. Человек *есть*, вот и всё. Он не *осознаёт*. Это просто дополнительное состояние, и совершенно ненужное. Человек *есть*. А осознавать своё существование – это уже второстепенное состояние.

Так вот, понимаете, он может осознавать своё существование. На самом деле, если он по-настоящему хорошо может осознавать своё существование, то он может осознавать существование этой собаки здесь, он может осознавать существование лошадей и домов. Однако это помешает преклиру быть тем, чем он захочет, в любой момент, когда он этого захочет. Что ж, такое осознание – это не то согласие, о котором я говорил перед этим. Он просто осознаёт своё существование. И если он очень ясно осознаёт своё существование, то чувствует, что находится в хорошей форме. О, это просто ужасно.

Вы знаете, что такое застенчивость? Это именно то, о чём я только что говорил, только это другая степень проявления всего этого. Просто снова, снова и снова увеличивайте и усиливайте это ощущение осознания, и в результате вы получите ту кошмарную застенчивость, которую испытывает большинство людей.

Всё это начинается с согласия: «Я осознаю». Человек *есть*, он не осознаёт. Когда он находится высоко на шкале тонов, он *есть*, и всё, что ему нужно сделать, – это создать постулат относительно того, *чем* он является, и если он хочет быть чем-то ещё, то ему просто нужно создать другой постулат; не изменить постулат – он просто создаёт новый постулат о том, что он *есть*, и он также может создать постулат о том, что он осознаёт.

Что ж, это нечто такое, что человеку не так-то просто понять, и я очень живо представляю, как кучка злых демонов объясняет это новичку; они говорят: «Осознавать – это очень хорошо; это даёт тебе множество ощущений и так далее. И откуда ты знаешь, что ты на самом деле испытываешь ощущение, если ты не знаешь, что ты – это ты? Это же очевидно. Ведь если ты знаешь, что ты – это ты, то ощущение становится очень сильным и ты осознаёшь, кто испытывает это ощущение, понимаешь? Но если ты не осознаёшь, кто испытывает это ощущение, то как же ты можешь знать, что ты испытываешь это ощущение? Это очевидно, правда? Что ж, теперь ты согласен, что это хорошее состояние. И мы покажем... мы прямо сейчас сделаем так, что ты испытаешь приятное ощущение». Поэтому они делают так, что он испытывает то или иное ощущение, затем они делают так, что он испытывает какое-то неприятное ощущение, и говорят: «Видишь, теперь ты ощущаешь это сильнее, не так ли?»

И человек говорит: «Да, я думаю, что так оно и есть». И он согласился... в этот момент он согласился, что он может осознавать.

Что ж, как только вы соглашаетесь с тем, что можете осознавать, вы принимаете это в качестве временного состояния, мимолётного состояния, желательного или нежелательного состояния – какого угодно состояния. Оно было принято; теперь у вас может быть множество различных состояний. Вместо того, чтобы просто *быть* и *действовать* от всей души и чувствовать и так далее, человек теперь в первую очередь осознаёт что-то, а потом делает. Вы создали обходной контур для этого, понимаете?

Поэтому он должен согласиться, что время от времени он не может осознавать. Понимаете, он говорит: «Временами я ничего не осознаю. Я ложусь спать». Это то, что лежит в основе сна. «Я могу согласиться ничего не осознавать». Он выяснил это. Что ж, это интересно. Затем он может согласиться на то, чтобы его гипнотизировали – он не может ничего осознавать. Затем он может согласиться находиться в бессознательном состоянии. И всякий раз, когда вы сможете причинить человеку боль – достаточно сильную для того, чтобы ему это не понравилось, – он предпочтёт иметь какой-нибудь механизм, с помощью которого он мог бы не ощущать эту боль. Поэтому он изобретает такой механизм: «Что ж, в этот период я ничего не осознаю, вот и всё. Вот и всё – я просто не ощущал этого. Вообще ничего не ощущал». И вот он находится в том состоянии, в котором он находится.

Это что-то вроде автоматизма. «Хотя я и не ощущал этого, но моя бытийность продолжала существовать. Следовательно, я могу отказаться на время от своей бытийности». И это *ва-а-а-ажный* урок: «Я могу отказаться на время от своей бытийности».

Так вот, он хочет... несколько раз его застают врасплох слишком быстро, и он не успевает создать крепкий постулат. Что-то наносит ему удар слишком быстро, и он, как ему кажется, не успевает отказать от своей бытийности достаточно быстро. Поэтому он говорит: «Ну что ж, давайте автоматизируем этот процесс. Если что-то нанесёт мне удар так быстро, то я тут же перейду в состояние не-бытийности; я уйду за две или три секунды до того, как получу удар, и в этот момент я начну не-быть, и это меня от всего избавит».

Сколько у вас было преклиров, которые не могли найти момент бессознательности, а постоянно переносили его в более ранний момент? А потом начинали переносить его в более поздний момент? А затем вдруг находили его и рассказывали о нём подробно? Они делали это очень осторожно.

Вы знаете, что человек под анестезией теряет сознание за несколько минут до того, как он теряет сознание? Никакой анестезии нет, и он не теряет сознания до того момента, когда он потеряет сознание, – то есть когда применяют само анестезирующее средство. Но как только это средство применяют, человек тут же создаёт постулат о том, что он уже был без сознания некоторое время, чтобы ему было легче получать анестезию. И анестезия не имеет *никакого* отношения к снижению уровня осознания, за исключением того, что человек согласился, что она такое отношение имеет.

И доказательством этого служит тот факт, что есть люди, которым вы можете шлёпнуть на лицо маску с хлороформом или эфиром, вы можете накачать их пентоталом натрия или нитратом натрия – всем, чем хотите, – и что бы вы думали: они не теряют сознания. Это доводит до отчаяния некоторых людей в больницах. Они говорят: «Ну, теперь-то он *должен* быть без сознания». На голову пациенту выливают ещё одно ведро эфира и так далее, понимаете? И ничего не происходит. Они говорят: «Ну, никто не может оставаться в сознании после всего этого, поэтому он должен быть без сознания, так что будем оперировать. То, что он извивается, – это просто автоматический рефлекс. Ему уже дали десять литров хлоробутанола и нембутала, и мы накачали его под завязку».

Да. Существует огромная путаница по поводу того, что же это такое – бессознательность. И причина состоит в том, что это просто запустулированное состояние отсутствия осознания, но его создали автоматическим! Его создали абсолютно автоматическим. И этот человек там, на улице, – он создал это состояние настолько автоматическим, что если бы вы попытались сказать ему, что это просто постулат, он бы рассмеялся вам в лицо.

Это нечто реальное, это нечто *очень* реальное. Это полезно. Это эффективно. Если кому-то причиняют слишком сильную боль, то ему нужно перестать что-либо осознавать. Это правильный способ действия. И вот вы берёте и пытаетесь отменить это – так, как отменяют постулаты. И вы не добьётесь успеха. А этот человек иногда добивался. И он говорил: «Я не отвечаю за этот период», – понимаете? Это пример того, как действует применение теории полной ответственности. «Я не отвечаю за этот период, когда я ничего не осознавал».

Начиная со времён Книги один мы пытались добиться (и нам действительно это удавалось), чтобы человек стал ответственным за те моменты, когда он ничего не осознавал. Мы проходили эти моменты в одитинге и добивались того, что они снова начинали существовать. И всякий раз, когда мы проходили такой момент и он снова начинал существовать, мы тем самым добивались, чтобы человек взял ответственность за этот период своей жизни и этот период переставал оказывать на человека сильное воздействие. Потому что всё, за что человек не отвечает, может сделать этого человека следствием. Всякий раз, когда человек не отвечает за что-то, это может оказать на него воздействие.

Он может сказать: «Ну, я ведь не отвечаю за это». Предположим, вы едете вдоль улицы в автомобиле и этот человек говорит: «Я не отвечаю за то, что делает этот автомобиль». И он просто убирает руки с руля. Боже, автомобиль тут же смог бы оказать воздействие на этого человека! Или если кто-то подходит к человеку и они начинают

беседовать о том и о сём, и этот человек не заступает в разговоре за своего друга; он говорит: «Ну, это на меня никак не влияет. Я имею в виду, что я не отвечаю за это. Этот человек просто что-то говорит. Я не отвечаю за это. Я совершенно не несу ответственности за то, что этот человек говорит здесь о моём друге. Я просто стою здесь». Ой-ой-ой-ой-ой! В один прекрасный день его друг услышит об этом, и тогда это повлияет на этого человека! Но всякий раз, когда он перестаёт контролировать пространство, энергию или материальные предметы, – всякий раз, когда он перестаёт контролировать эти три вещи, он напрашивается на то, чтобы они начали командовать им. Он говорит: «Я не могу их контролировать».

А что говорят они? Они говорят: «Хм, салага! Мы можем контролировать его».

Как вы устанавливаете контроль над человеком? Вы можете сказать: «Дайте ему анестезию». Давайте скажем эту самую фразу. Вы добьётесь того, что человек перестанет контролировать пространство, энергию и материальные предметы.

Как вы устанавливаете контроль над человеком? Вы даёте ему анестезию. Это лишает его того пространства, в котором он действует и реализует свою бытийность. Он покинет то пространство, в котором находится в этот момент. Большинство таких... на самом деле, если вы дадите человеку анестезию, он уйдёт и встанет где-то с другой стороны комнаты. Он просто выходит из тела. Он говорит: «Я ничего не осознаю, и я не имею никакого отношения ко всему этому» – и уходит. Это делает тэтан. ГС остаётся на месте и принимает удар на себя; ГС – это штука грубая, и к тому же она не слишком-то осознаёт окружающее.

Вам случалось проходить в одитинге эти операции, во время которых преклир, как он утверждает, находится на другой стороне комнаты? Мы раньше требовали, чтобы он вернулся в собственный вэйланс! Тяжёлый случай. Я имею в виду, это грубая методика. Однако это работало. Несмотря на всё это, мы продвинулись вперёд.

Как бы там ни было, мы попросили этого человека отказаться от энергии – он не должен двигаться, пока его режут. И мы попросили его отказаться от контроля над материальным предметом – а именно над собственным телом. Мы попросили его отказаться от пространства, от энергии и от материального предмета, и бог ты мой, этот человек перестаёт что-либо осознавать!

Так вот, на самом деле вы просто могли бы попросить человека освободить место... просто заставить его уйти из тела, так что вы... человек отказался от контроля над пространством, энергией и материальным предметом (я имею в виду, *отказался* от контроля над ними, действительно отказался), и он говорит: «Я больше не могу контролировать всё это». Этот человек находится под контролем. Он становится следствием. И именно так люди опускаются по шкале тонов. Человек опускается по шкале тонов в той степени, в которой он отказывается от пространства, энергии и материальных предметов. Это может продолжаться и продолжаться. Я мог бы вам рассказать ещё о многом, что имеет непосредственное отношение к тэта-клированию.

Многие одиторы подходят к тэта-клированию таким образом: они говорят: «Покиньте то пространство, которое занимает тело». Я имею в виду, с таким чувством они подходят к делу. «Покиньте пространство, которое занимает тело, откажитесь от всей этой энергии, выйдите из этого предмета и переместитесь назад. Немедленно! Теперь вы полностью контролируете физическую вселенную и чувствуете себя лучше?»

«О, нет!» Этот человек практически потерял сознание. У него в голове всё перепуталось. Он тут же оказывается в ужасном состоянии. И причиной того, что он в ужасно плохом состоянии, является то, что вы сделали его в некоторой степени бессознательным. Вы приказали ему отказаться от пространства, энергии и материального предмета.

Нет, нет. Правильный подход к тэта-клированию таков: вы просите преклира, чтобы он стал контролировать большее пространство, чтобы он вырабатывал больше энергии, и вы демонстрируете ему, что он может обладать неограниченным количеством

предметов. Вы знаете, что у большинства преклиров просто нет пространства, в которое они могли бы переместиться: пространство в метре перед преклиром занять нельзя, оно принадлежит кому-то другому; пространство на три сантиметра перед его носом занять нельзя, оно принадлежит кому-то другому; и вы только представьте, пространство на три сантиметра позади носа занять тоже нельзя – оно принадлежит кому-то другому. Это доходит до того, что человек не владеет даже тем пространством, которое занимает его собственное тело. Тело даже не владеет тем пространством, которое оно занимает. Это пространство принадлежит администрации или кому-то ещё.

Если вы поймёте, куда ведут эти два подхода, это станет для вас отправной точкой, откуда вы сможете двигаться вперёд. Если вы попросите человека отказаться от пространства, энергии и предметов – отказаться от них – то он опустится по шкале тонов и перестанет что-либо осознавать. И по мере того, как он постепенно перестаёт осознавать, он, конечно, начинает принимать на себя всё меньше и меньше ответственности, ведь ответственность – это просто контроль, признание своего контроля над пространством, энергией и материальными предметами. Поэтому человек опускается по шкале тонов и его становится всё легче и легче контролировать, так что теперь его может начать контролировать кто-нибудь другой. Кто-то другой должен дать ему пространство, энергию и предметы. Это государство всеобщего социального обеспечения. Такое государство раздаёт пространство всем своим гражданам.

«Государство даёт тебе место, где ты можешь жить. Да, а ещё государство даёт тебе работу. И государство даст тебе пищу и автомобиль, и каждому гражданину по паре башмаков. А ещё государство даст тебе медаль, если ты будешь хорошо себя вести».

Государство установило полный контроль над людьми. А что происходит с этими людьми? Они впадают в гипнотический транс. Государство говорит: «Луна сделана из зелёного сыра. Тут написано, что в 1821 году Рослинко Кабум летал на Луну и полностью изучил и исследовал её, чтобы сбросить её на капиталистический мир. И вот эта Луна, там всё открыто и о ней всё известно, и теперь она под нашим флагом».

Бумм. И граждане говорят: «Да, Луна сделана из зелёного сыра». Видите, какая замечательная система.

Капиталистическое государство действует по-другому. Оно говорит: «Если ты не будешь в точности выполнять то, что мы тебе говорим, то мы заберём у тебя пространство, мы заберём у тебя энергию и мы уж точно заберём у тебя предметы». Понимаете, оно находится в более высоком тоне. Оно просто говорит, что сделает это. И время от времени оно делает это с кем-то в назидание другим.

Что ж, теперь вы видите, о чём мы говорим – мы говорим об инграммах... всё возвращается к инграмме. Согласно прежней дефиниции, инграмма – это момент боли и бессознательности. Давайте дадим ей новую дефиницию.

Инграмма – это период отсутствия ответственности. Инграмма – это период времени, когда человек отказался от контроля над пространством, энергией и материальными предметами и от обладания всем этим. Инграмма – это период времени, когда человек отказался от пространства, энергии и материальных предметов.

Если вы запишете эту дефиницию, то вам станет гораздо легче понимать материал, когда мы начнём давать определения материи, энергии и предметам и выяснять, чем они являются с точки зрения опыта. Но вы можете увидеть всё это прямо сейчас, по мере того, как будете увязывать всё это между собой.

Так вот, чтобы проходить инграмму... прохождение инграммы – это метод работы, использовавшийся в стандартной рабочей процедуре 1950 и 1951 годов. Это способ добиться того, чтобы человек установил контроль над тем периодом, когда он отказался от контроля над пространством, энергией и материальными предметами. Вы добиваетесь этого таким образом: вы снова и снова проходите этот период и демонстрируете человеку, что он обладал лучшим контролем над этим периодом, чем сам предполагал. Так что вы проходите это, проходите и проходите.

И вот что происходило с некоторыми людьми: вы укладываете человека на кушетку, он ложится и с мрачным видом складывает руки на груди. И вы говорите: «Хорошо, идите в начало инцидента. Какая там первая фраза?»

«Какого инцидента?»

И вы говорите: «Ну, мы ищем тот инцидент, который связан с соматикой в вашей ноге».

«Ну, я ничего не вижу. Я ничего не чувствую. И вы знаете, что моё чувство реальности таково, что я даже не уверен, есть ли у меня там нога. Вы попросили меня пройти инцидент, связанный с этим, и вы знаете, что я не могу пройти никакого инцидента, связанного с этим, и что нет никакого инцидента, связанного с этим. И вы говорите, что этот инцидент связан с моей матерью; вы говорите, будто это показывает вон та измерительная штукавина. Будто она показывает, что это всё потому, что я попытался расквитаться с моей матерью, или моя мать попыталась расквитаться со мной, или потому что я совершил оверт. Я не знаю, что это всё такое, но я просто ничего не вижу и всё это - сплошная ерунда». И через некоторое время этот парень может ужасно разгорячиться!

Но на самом деле вы просто сделали вот что... Наконец-то мы это знаем. Что вы сделали, когда вам не удалось добиться того, чтобы закупоренный кейс начал двигаться? Вы просто не использовали градиентную шкалу. Вот и всё. Вы пытались углубиться в кейс, чтобы заставить этого человека сразу принять ответственность за большое количество пространства и энергии и за множество предметов. Вы даже не произнесли перед преклиром зажигательную речь, чтобы воодушевить его, вы просто внезапно сказали: «Хорошо, установи контроль над пространством, энергией и предметами. Давай, приятель. Действуй самостоятельно».

«О-о-о». У этого человека просто нет инграммного банка – у него нет разума! Его здесь нет – его давно уже здесь нет. Когда вы начнёте заниматься тэта-клированием, вы сразу же распознаете такого человека и поймёте, в чём его проблема. Он не находится в том пространстве, откуда вы стараетесь его вывести.

И чем быстрее аудитор распознает это, тем лучше для него, потому что он может пережить очень сильное огорчение, когда будет работать с одним из таких кейсов. Он скажет: «Вывести его наружу? Вывести его наружу? Да он же не находится внутри, чёрт побери!» Этот преклир снаружи, но как бы шиворот-навыворот. Он не только не находится в своей голове, но его ещё приходится собирать из множества мест, в которые он попал, и помещать в голову, чтобы затем его можно было вывести наружу из головы!

Так вот, спросите его – и если вы будете спрашивать его в соответствии с градиентной шкалой... забавнее всего то, что если вы будете использовать тот принцип, который мы используем прямо сейчас, то вы действительно сможете проходить локи, инграммы и вторичные инграммы с теми людьми, с которыми раньше проходить эти инциденты было невозможно.

А как вы можете добиться этого? Вы просто проходите с ним какой-то момент его жизни. Не важно, будет это момент удовольствия, неприятный момент или приятный момент или любой другой момент. Просто пройдите с ним какой-то маленький эпизод в его жизни, когда он владел чем-то. Вы просите его вспомнить что-то по-настоящему реальное для него, вспомнить момент, когда он находился в общении с чем-то. Понимаете, прямой провод АРО. И что мы выяснили? Мы эмпирическим способом выяснили, что с помощью прямого провода АРО можно очень многое сделать для психотиков и невротиков, и что переломным моментом для психотика является та секунда, когда он смог вспомнить что-то абсолютно реальное. Как только он это сделает, его состояние действительно резко улучшится. Почему? Вы наделили его одной стомиллиардной в надцатой степени долей пространства и энергии. Вы просто дали ему эту малую малость. Её практически невозможно измерить. Но он совершенно внезапно сказал: «Послушайте, я могу владеть чем-то. Я могу контролировать что-то. Вы только подумайте, в моём

прошлом был момент, в моём прошлом был момент, который я могу контролировать». И он говорит: *(вздых)*.

Если бы вы использовали это как отправную точку и просто действовали по градиенту, используя реальность, – можете себе представить? Я имею в виду, что попытки «проходить в одитинге реальность» – как это, смешно сказать, называют – на самом деле оказываются низкотонным подходом к действительности. Зачем вам нужно проходить в одитинге реальность, когда вы можете создавать эту реальность? У вашего преклира вдруг появится идея о том, что он может создавать эту реальность. И неважно, верна ли эта идея или нет, хороша она или нет; преклиру просто станет намного, намного лучше. Зачем же проводить процессинг реальности, когда вы можете её создавать? Ну, мы так или иначе продолжим говорить обо всём этом.

Если бы вы могли пройти лок (и неважно, насколько это короткий лок) и тем самым вернуть человеку какое-то пространство, – если бы он осознал, что у него действительно было право зайти в сарай без того, чтобы его отшлёпали, – о, это была бы большая победа. Вы бы вернули ему какое-то пространство из его прошлого, в котором ранее ему постоянно отказывали. Вы бы работали с ним над теми моментами, когда он входил в комнаты или в какие-то ящики или во что-то ещё, пока наконец он не нашёл бы момент, когда он куда-то вошёл. И вы могли бы проходить с ним моменты, когда он не хотел куда-то входить – вы могли бы делать это до тех пор, пока он не почувствовал бы, что теперь он может свободно входить в этот сарай. Конечно, прошло сорок лет с того момента, когда его отшлёпали в этом сарае, но вы бы и сегодня обнаружили, что если бы он пошёл в сторону сарая, то испытал бы очень странное ощущение; кто-то действительно отнимал у него пространство, энергию и предметы.

Хорошо, так что мы вернули ему какое-то маленькое пространство. Теперь такой вопрос: имел ли он право делать что-то? Мы выясняем, кто сказал, что у него нет права делать что-то, мы убираем это, устраняем это.

Имел ли человек право распоряжаться собственными туфлями? Это может оказаться слишком трудной темой. Имел ли он право расчёсывать свои собственные волосы? Имел ли он право владеть чем-то и контролировать что-то? Имел? Да И подумать только, внезапно он говорит: «Хм!» И затем вы просто проходите всё это ещё раз: ещё немного пространства, ещё немного энергии... понимаете, энергия – это действие и материальный предмет. И если бы вы просто продолжали выбирать инциденты по градиентной шкале, и находили бы немного более крупные, более значительные инциденты, инциденты, содержащие немного больше пространства, немного больше действия, немного больше предметов, то вы смогли бы проходить локи, инграммы и вторичные инграммы.

Что такое вторичная инграмма? Вторичная инграмма – это очень тяжёлый момент, связанный с потерей. Это либо гнев в отношении факта потери, страх потери или страх из-за того, что потеря произошла, или же осознание человеком того, что он *потерял* что-то. Апатия возникает тогда, когда человек не только потерял что-то, но и никогда не сможет обрести это снова. Это у нас есть. Это мы знали уже давно, так что давайте теперь рассмотрим вторичные инграммы с этой точки зрения.

Во-первых, владеет ли человек чем-либо в настоящем времени? Является ли что-либо его собственностью? И человек тычется туда-сюда: «Давайте-ка посмотрим; галстук? Нет, галстук подарила мне тётя Берта, а я всегда должен был осторожно обращаться с вещами тёти Берты. То же самое с туфлями и так далее. И я работаю на эту компанию, и она даёт мне практически всё, что у меня есть. И... и... боже мой, я на самом деле ничем этим не владею. Дом принадлежит моей жене. Автомобиль... автомобиль принадлежит финансовой компании. Э... дайте-ка подумать, э... м, э... да. Вы знаете, у меня в верхнем ящике лежит зубочистка, которая, как мне кажется, принадлежит мне».

«А почему вы считаете, что эта зубочистка принадлежит вам?»

«Ну, я сам выстрогал её».

Делайте это в соответствии со шкалой градиентов, и позволяйте ему завладеть тем, что ему принадлежит. Вы обнаружите, что это очень интересный процесс.

И что бы вы думали? Не успеете вы и глазом моргнуть, как вы сможете пройти с этим человеком вторичную инграмму. Он потерял отца. Если вы хотите удалить заряд горя... нет больше никаких причин для того, чтобы вам нужно было удалять заряд горя, но если бы вы хотели удалить у него заряд горя, то для этого работайте с потерями. Чем он владеет? Что он мог бы потерять? Что он мог бы потерять безо всякой опасности для себя? Без чего он *не* мог бы обойтись? Вы и глазом моргнуть не успеете, как круг предметов, которыми он владеет, начнёт увеличиваться.

Теперь поработайте над тем, что он может и чего он не может делать, – и круг тех действий, которые он может выполнять, тоже начнёт увеличиваться. Чем он может быть и чем он не может быть – и начинает увеличиваться количество тех мест в пространстве, где он может находиться. Хорошо. Вы должны поднять его до такого уровня, где он сможет плакать над чем-то, потому что большинство людей находятся в апатии.

На протяжении семидесяти шести триллионов лет МЭСТ-вселенная играла в такую игру: «Посмотри, вот это – твоё. Ты получил это? Ты основательно привязан к этому, теперь ты уверен, что владеешь этим. Теперь ты уверен?» Рывок – и вселенная говорит: «Ну, я думаю, что это было не твоё. Но вот тебе взамен что-то другое». И эта игра является источником многих зол.

Итак, лок – лёгкий инцидент. Локи находятся поверх инграмм и вторичных инграмм, и образуются из-за того, что те существуют. Человек теряет свою бабушку, это вторичная инграмма – заряд горя. Он теряет свою бабушку, и с этого момента начинает копить локи, связанные с утратой различных людей, пока совсем не обезумеет – мысль о любой потере станет вызывать у него страх. Он боится потерять свои часы, или ему кажется, что он покончит с собой, если хоть что-то ещё потеряет.

Что такое вторичная инграмма? Это просто крупная потеря. Это лок, опирающийся на инграмму физической боли – просто момент, напомнивший человеку о том, что у него имеется момент сильной физической боли и бессознательности. И поэтому человек в некоторой степени впадает в бессознательность всякий раз, когда ему кажется, что этот момент возвращается. И ему нужна эта инграмма, ведь он не может полагаться на то, что сможет действовать достаточно быстро в критической ситуации. Он выяснил, что не может действовать достаточно быстро в критической ситуации. Он думает, что выяснил это, и поэтому правильное решение – это создать автоматическую машину: *ззз-бумс* – и машина всё за него сделала.

Когда люди полностью утрачивают самообладание? Это происходит в тот момент, когда они решают, что больше не могут положиться на себя. Когда они не могут положиться на себя, то они должны полагаться на что-то ещё. Нет никого другого, на кого они могли бы положиться, так что они создают инграммный банк и начинают полагаться на него. Или, испытывая страх перед действием, они строят храм, ставят на алтарь идола и начинают полагаться на него. Или они едут в Лас-Вегас и говорят: «Пусть всё решит фортуна». Они отказались от ответственности, рассчитывая, что то, на что они переложили ответственность, снова будет принадлежать им. Теперь вы понимаете, как тут взаимодействуют факторы.

Итак, как нужно проходить локи, вторичные инграммы и инграммы? Проходите их в соответствии с градиентной шкалой, постепенно увеличивая способность преклира контролировать пространство, энергию и предметы. Вы можете использовать этот подход, и вы можете использовать СРП пятидесятого года; вы можете использовать «Первоначальные тезисы». Фактически, я думаю, что в «Первоначальных тезисах» дана более хорошая методика, чем... 1948. С помощью этой методики можно проходить всё это.

Если вы будете использовать то, о чём я рассказывал, вы сможете пройти любую инграмму в банке. Если вы не можете пройти инграмму, проходите что-то более лёгкое.

Хорошо. Это прояснило что-то для вас? Аудитория: Да.

Вы всегда можете проходить с преклиром инграммы, при условии, что вы не требуете от него прохождения более тяжелой инграммы, чем он в состоянии пройти. Вы когда-то знали об этом, но как на самом деле нужно подбираться к инграммам? Для этого нужно проходить локи, чтобы человек вновь начинал владеть чем-то утраченным.

Есть ещё один момент, на который я хотел бы обратить ваше внимание в связи с этим. Есть ещё один небольшой момент: для работы со всеми локами, инграммами и вторичными инграммами – со всем этим в целом – сейчас применяют процессинг создания. Вам нужно знать, что представляют собой локи, инграммы и вторичные инграммы, чтобы вы могли работать с ними как с локами, инграммами и вторичными инграммами. Иначе вы не сможете с достаточным мастерством применять процессинг создания. Но вы работаете с ними напрямую – иными словами, вы работаете с ними совершенно напрямую. Вы работаете с ними, делая так, чтобы преклир владел собственным пространством, собственной энергией и собственными предметами. И когда он будет владеть собственным пространством, энергией и предметами – чёрт побери! МЭСТ-вселенная? Тьфу! Он не только покинул её, у него к тому же появилась невероятная способность владеть тем, что в ней находится.

Так что в конце концов используйте для работы с этим процессинг создания. Когда вы работаете с преклиром, вы знаете, что у него есть какая-то инграмма, вы знаете, что у него есть факсимиле «Один», вы знаете, что у него есть что-то ещё. Работайте со всем этим с помощью процессинга создания. Но не теряйте из виду тот факт, что вы имеете дело с чем-то, что преклир считает реально существующим.

Давайте сделаем перерыв.